

Abstract

To the Good of the Soviet Union: New York Times Moscow Correspondents during the Second World War

Author: Dmitrii Nechiporuk

Issue: Special Issue 2025

Abstract

The *New York Times* was one of the first American newspapers to have its own foreign correspondent in Soviet Russia in the 1920s. From August 1921 to the mid-1930s, its first reporter in Moscow was Walter Duranty, who had a favorable view of the Soviet experiment and praised the development of the Soviet Union under Stalin. This admiration granted him exclusive access to high-ranking Soviet officials. After Duranty, two other reporters covered prewar Moscow for *The New York Times*: Harold Denny (1934-1939) and G.E.R. Gedye (1939-July 18, 1940).

This article explores previously unresearched aspects of the complex and often opaque interactions between American journalists and Soviet diplomats during World War II. A month after the start of the Winter War, Soviet authorities reintroduced strict press censorship, rendering the presence of American newspaper correspondents in Moscow largely ineffective. Foreign correspondents were restricted to sending home English-translated prefabricated news authorized by Soviet censors. Consequently, by the fall of 1940, leading American newspapers had closed their Moscow bureaus. The remaining correspondents operated under heavy censorship, preventing them from fully reporting what they learned in the Soviet Union. This censorship coincided with the deterioration of Soviet-American relations in 1940 and the first half of 1941.

The situation changed swiftly after Germany invaded the Soviet Union on June 22, 1941. As this article demonstrates, American diplomats and reporters were aware of the possibility of a German attack on the USSR in advance, though they could not confirm when or if it would occur. Alongside diplomatic and military support from the United States and Great Britain, the Anglo-American press adopted a more favorable stance toward the Soviet Union. Leading newspapers covering international affairs returned, and *The New York Times* re-established its Moscow bureau in July 1941. In the private talks with the Soviet officials the representatives of *The New York Times* sought to position itself as closely aligned with President Roosevelt. This status allowed it to maintain correspondents in the Soviet Union throughout the war. However, *The New York Times* failed to regain its prewar status as the premier source of exclusive news and semi-official rumors. In this regard, its correspondents in Turkey and Europe had significantly greater access to diplomatic and military sources than those in Moscow.

На пользу Советского Союза: собственные корреспонденты *New York Times* в Москве в годы Второй мировой войны

To the Good of the Soviet Union: New York Times Moscow Correspondents during the Second World War

Dmitrii Nechiporuk

Введение

За семьдесят лет истории освещения внутренней и внешней политики Советского Союза (1921-1991) московское бюро газеты “*New York Times*” (далее - *NYT*) функционировало практически беспрерывно. Всего лишь дважды за столь долгий период нью-йоркское издание закрывало свое представительство в СССР. Оба раза закрытие бюро пришлось на сталинскую эпоху, в период между 1939 и 1949 гг., когда Советский Союз был участником Второй мировой войны (далее - ВМВ), вышел победителем в статусе одного из главных участников Антигитлеровской коалиции и начал послевоенную военно-дипломатическую борьбу за сферы влияния в Европе и Азии с недавними партнерами в рамках “Большой тройки” - Великобританией и США. Внезапные повороты сталинской внешней политики в указанный период напрямую коррелировали с отношением советской власти к зарубежной “буржуазной” прессе, что хорошо прослеживается на истории присутствия собственных корреспондентов *NYT* в Советском Союзе с 1939 по 1945 год¹.

В историографии до сих пор не написано обобщающего труда по работе московского бюро *NYT* в 1921-1991 гг. в контексте дипломатической истории советско-американских отношений. Но если межвоенный период деятельности *NYT* (1921-1939) и освещение газетой различных аспектов политики Советского Союза в годы Холодной войны (1949-1988)

¹ В указанный период в Москве работали шесть корреспондентов, представлявших *NYT*: Джордж Эрик Роу Геди (George Eric Rowe Gedye), Сайрус Лео Сульцбергер (C.L. Sulzberger), Ральф Паркер (Ralph Parker), Уильям Лоуренс (William H. Lawrence), Брукс Аткинсон (Brooks Atkinson).

изучены в работах Тэйлора, Крисберг, Файнберг, Моретти, Нечипорука и других историков, то освещение *NYT* участия Советского Союза во ВМВ практически не исследовано². Лишь недавно были опубликованы две содержательные работы Г. Лапиной, посвященные восприятию московского корреспондента *NYT* Брукса Аткинсона довоенной и послевоенной атмосферы Москвы, а также его оценке первых разногласий в советско-американских отношениях в 1945-1946 годах³. В данной статье будет исследована история ухода и возвращения *NYT* в Советский Союз в первые годы ВМВ на фоне первоначального ухудшения советско-американских отношений и стремительного оформления союзнических отношений после 22 июня 1941 г. Московское бюро *NYT* в межвоенный период хорошо изучено в упомянутой монографии Тэйлора. В ней показано, что первый собственный корреспондент *NYT* Уолтер Дюранти сумел стать искусственным апологетом Сталина и его внутренней политики в годы многолетнего пребывания в Москве. В 1934-1940 гг., когда московскими корреспондентами были соответственно Харольд Денни и Джордж Эрик Роу Геди, Дюранти продолжал неофициально влиять на работу бюро вплоть до его закрытия летом 1940 г. Он выступал против его ликвидации из-за введения строгих цензурных ограничений 29 декабря 1939 г., предрекая, что в скором времени события могут развернуться для зарубежных журналистов в совершенно другом направлении. Тогда наличие своего корреспондента в Москве вновь будет совершенно необходимо для полноценного освещения советской внешней политики⁴. В других работах, посвященных международной журналистике в годы советско-финской и странной войн показывается, что цензурные правила 1939 г. привели к исходу из Москвы всех ведущих американских газет. Редакции не видели большого смысла в простой передаче сообщений на английском языке от “Телеграфного Агентства Советского Союза” (далее - ТАСС). Помимо *NYT*, из Советского Союза в 1939-1940 гг. были отзваны корреспонденты американских газет “*Christian Science Monitor*”, “*The Herald Tribune*”, а “*Chicago Daily News*” отказалась от

² См.: Sally J. Taylor, *Stalin's Apologist: Walter Duranty: The New York Times's Man in Moscow* (Oxford University Press, 1990); Dina Fainberg, *Cold War Correspondents: Soviet and American Reporters on the Ideological Frontlines* (Johns Hopkins University Press, 2020); Martin Kriesberg, “Soviet News in The “New York Times,” *Public Opinion Quarterly* 10, no. 4 (1946): 540-564; Anthony Moretti, “New York Times Coverage of the Soviet Union’s Entrance into the Olympic Games,” *Sport History Review* 38, no. 1 (2007): 55-72; Jothik Krishnaiah, Nancy Signorielli, and Douglas M. McLeod. “The Evil Empire Revisited: New York Times Coverage of the Soviet Intervention in and Withdrawal from Afghanistan,” *Journalism Quarterly* 70, no. 3 (1993): 647-655; Дмитрий Нечипорук, *Взгляд со стороны: американские журналисты о социально-экономическом развитии России и СССР в XX веке* (ТюмГУ-Press, 2023).

³ Галина Лапина, “Американские паломники в театральной мекке: московские театральные фестивали “Интуриста” 1933-1937,” *Rossica. Литературные связи и контакты* 2 (2022): 98-132; Она же, “Заславский vs Аткинсон: из истории холодной войны,” *Slavica Revalensia* 10 (2023): 472-498.

⁴ Taylor, *Stalin's Apologist*, 284.

собственного корреспондента еще в середине 1930-х годов⁵.

***New York Times* и закрытие московского бюро (декабрь 1939 – июль 1940)**

Почти месяц спустя после начала советско-финской войны 28 декабря 1939 г. московский корреспондент *NYT* Джордж Эрик Роу Геди (Gedye), узнав о новых цензурных предписаниях при отправке статей из Москвы в редакцию, пытался понять, насколько серьезно он ограничен в возможностях передавать фактический материал. В итоге Геди провел непредвиденное и спонтанное интервью с сотрудником Отдела печати Народного комиссариата иностранных дел (НКИД), который объяснил ему новые правила отправки корреспонденции: 1) цензура не является военной, поскольку СССР ни с кем не находится в состоянии войны; 2) цензура распространяется на все телеграммы, отправляемые корреспондентами в свои издания, независимо от того, предназначены ли они для публикации или нет; 3) на телефонные звонки цензура не распространяется; 4) сотрудники почты не примут текст статьи без пометки о проверке Отделом печати НКИД; 5) цензура вводится по причине “общих международных условий”, а также из-за отсутствия “удовлетворительных результатов” после отмены проверок содержания телеграмм иностранных корреспондентов в мае 1939 г. 6) отныне цензоры не будут пропускать статьи, угрожающие безопасности Советского Союза и все материалы, которые наносят ущерб престижу Советского Союза; 7) критика страны не запрещается, но должна быть “объективной”; 8) наконец, Геди хотел знать заранее, будут ли разрешены статьи, взвешено критикующие военные операции, на что ему ответили, что заранее дать четкий ответ на такой вопрос невозможно⁶.

На практике это означало, что иностранные корреспонденты лишаются возможности изменять или переписывать по-своему официальные сводки ТАСС и главных коммунистических газет, выходивших в Москве. Геди в конце статьи выражал надежду, что применение правил цензуры будет в итоге гибким и снисходительным, но в январе 1940 г. он убедился, что правила на этот раз не вводились для того, чтобы их можно было обходить. Например, его статья о перебоях с поставками хлеба в Москве была сухим пересказом строгой критики Исполкомом Мосгорсовета автобазы треста Хлебопечения и цитированием журнала “Советская торговля”, в котором упрекали администрацию предприятия за провал в распределении продовольствия. Статья Геди ничем не отличалась от заметки в московских “Известиях”, за исключением того факта, что цензор позволил журналисту назвать управляющего трестом “козлом отпущения”⁷.

Главной причиной, которая привела к закрытию московского бюро

⁵ Robert William Desmond, *Crisis and Conflict: World News Reporting between Two Wars, 1920-1940* (Iowa City: University of Iowa Press, 1982), 442.

⁶ G.E.R. Gedye, “Soviet Denies War Led to Censorship,” *New York Times* (31 December 1939): 2.

⁷ G.E.R. Gedye, “Moscow Bread Deliveries Have Breakdown,” *New York Times* (13 January 1940): 3; *Известия*. No 10 (1940): 4.

летом 1940 г. было отсутствие возможности передавать эксклюзивную информацию. Сводки и статьи московского корреспондента не представляли ничего уникального и важного по сравнению с информационными сообщениями агентства “Associated Press”. Геди, как и любой другой иностранный корреспондент, не мог получить эксклюзивную информацию о ходе советско-финской войны; советская пресса освещала конфликт очень скромно. Поездки по стране – даже официально согласованные – окончательно прекратились, так что о посещении мест военных действий не могло быть и речи. В мае 1941 г. Советский Союз запретил поездки в пограничные территории даже дипломатам⁸. Как следствие, за первые семь месяцев 1940 г. подписанные статьи Геди нечасто попадали на страницы *NYT*. Всего 28 опубликованных статей московского корреспондента за январь – июль 1940 г. свидетельствовало о его неспособности наладить работу в условиях строгой советской цензуры. Кроме того, *NYT* как периодическое издание находилось в невыгодном отношении по сравнению с “Associated Press”, у которой было соглашение с ТАСС о первоочередной отправке телеграфом новостей в США. Из-за неудобной разницы во времени между Москвой и Нью-Йорком, Геди приходилось ждать утра, чтобы отправить отредактированную новость, что всегда означало потерю в оперативности по сравнению с информационным бюро, которое выигрывало во времени, просто ретранслируя советские новости своим подписчикам. Оценив все *pro et contra*, менеджмент *NYT* решил, что в таких условиях затраты на бюро в Москве перестали себя оправдывать⁹. Объясняя решение издания на праздновании 43-й годовщины института Карнеги в Питтсбурге, издатель *NYT* Артур Хейс Сульцбергер рассказал собравшейся аудитории, что миссия газеты в контексте мировой войны состоит в “защите единства и мощи американской нации от дезинтеграции в результате проникновения иностранных идей, насаждаемых новым и смертоносным оружием пропаганды”. Основная задача газеты, по мнению Сульцбергера, давать читателю факты международной жизни, оказалась под угрозой, поскольку в трех значимых столицах Берлине, Токио и Москве была организована эффективная цензура исходящих сообщений, а сами журналисты находится в опасных условиях, подвергаясь физическому и моральному давлению. Касаясь истории с закрытием московского бюро, Сульцбергер объяснил аудитории, что Геди вынужден был покинуть Советский Союз, получив назначение в Стамбул, чтобы журналист наконец написал и отправил в редакцию статьи, которые он не мог передать, находясь в Москве¹⁰. Развернутая статья Геди о внутреннем положении Советского Союза вышла в *NYT* только 17 сентября, хотя было указано, что она была

⁸ Dmitrii Nechiporuk, “Urban Space Securitization: Foreign Visits to Soviet Omsk in the 1920s–1960s,” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History* 8, no. 2 (2024): 417, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-2-1>

⁹ Steven Casey, “Learning and Adapting: The American Media and the ‘Phony War,’ September 1939–April 1940,” In *Reporting World War II*, edited by G. Kurt Piehler and Ingo Trauschweizer (Fordham University Press, 2023): 27–28.

¹⁰ Arthur Hayes Sulzberger, “Depicts Our Press as Line of Defense,” *New York Times* (24 October 1940): 6.

написана в болгарской Варне еще 1 августа 1940 г. В ней Геди объяснял драматический разворот в сторону торгового сотрудничества с нацистской Германией экономическим кризисом в Советском Союзе¹¹.

В подвешенном состоянии: положение англо-американских корреспондентов в Москве накануне нападения Германии на Советский Союз

Как бы пафосно ни звучало выступление Сульцбергера на юбилее Института Карнеги о миссии *NYT* и положении зарубежных корреспондентов издания в Москве, он был прав в отношении тех американских журналистов, кто продолжал находиться в Москве. После того, как ведущие газеты закрыли свои бюро, оставшиеся американские корреспонденты в СССР, в полной мере ощутили свою уязвимость в условиях запрета на свободную передачу информации. Помимо отмены для иностранцев поездок по стране, так необходимых для расширения круга новостей о жизни советских людей и написания актуальных репортажей (featured story), в 1940 г. журналисты столкнулись с трудностями получения информации неофициально, что было возможно в 1930-1939 гг., когда главой НКИД был М. М. Литвинов¹².

Введение цензуры для иностранных корреспондентов, происходило на фоне неуклонного ухудшения отношений между СССР и США с декабря 1939 по январь 1941 гг., т.е. сразу после начала советско-финской войны. Прежде всего, в Советском союзе были недовольны запретом на поставку продукции стратегического характера, необходимого для производства высококачественного авиационного бензина¹³. Как показывают, сохранившиеся в архиве внешней политики РФ записи бесед советских дипломатов с американским послом в СССР Лоуренсом Штейнгардтом, ограничения в правах американских корреспондентов и их советских жен регулярно обсуждались на встречах с заместителем Наркомата иностранных дел С. А. Лозовским и заведующим Отдела печати НКИД Н. Г. Пальгуновым. Главными вопросами были: 1) выход из советского гражданства трех жен американских корреспондентов в связи с их желанием отправиться в США; 2) внезапный арест в 1941 г. советских жен американских корреспондентов Херманна Габихта (Hermann R. Habicht) и Роберта Магидоффа; 3) просьба предоставить корреспондентам Генри Шапиро и Генри Кэсси迪 возможность разговаривать с заграницей по телефону напрямую из дома; 4) вопросы задержки телеграмм информационных агентств с важными новостями, которые было необходимо, как можно скорее рассыпать по

¹¹ G.E.R. Gedy, “Economic Crisis Was a Major Cause in Bringing about Accord With Hitler,” *New York Times* (17 September 1940): 6.

¹² Alfred Erich Senn, *Foreign Correspondent: Henry Shapiro in Moscow, 1933-1973* (Kaunas, Lithuania: Vytauto Didžiojo universiteto leidykla, 2006), 52.

¹³ The Secretary of State to the Ambassador in the Soviet Union (Steinhardt), 24 December 1939, Foreign Relations of the United States, The Soviet Union, 1933–1939, 806. <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1933-39/d617>

газетам¹⁴.

На строгую цензуру жаловались сами корреспонденты, когда удавалось встретиться с Пальгуновым. Одну из встреч с Генри Шапиро 15 февраля 1941 г. сам Пальгунов описал следующим образом:

“На протяжении добрых 3/4 часа Шапиро жаловался на исключительно трудные условия работы в Москве, на отсутствие достаточного количества информации для иностранных корреспондентов, на невозможность для иностранных корреспондентов комментировать в желательном им духе события и акты советской внешней и внутренней политики, на “дискриминацию” большинства иностранных корреспондентов, поставленных в Москве в отношении цензуры в неизмеримо худшие условия по сравнению с германскими и итальянскими корреспондентами и т.д. Шапиро жаловался также на продолжающиеся случаи задержки телеграмм в цензуре, указывая, в частности, на то, что телеграмма о переменах в личном составе генерального штаба РККА была задержана цензурой на 6 или 7 часов, что была задержана на продолжительное время телеграмма о выступлении тов. Куусинена в Петрозаводске и т.д.”¹⁵.

Ни одна из этих просьб американцев так и не была удовлетворена сотрудниками НКИД в первые пять месяцев 1941 г. Более того, ситуация еще более ухудшилась, когда 4 июня 1941 г. американскому гражданину и корреспонденту лондонской “News Chronicle” Джеймсу Скотту дали три дня, чтобы покинуть Советский Союз без жены и детей. В этот раз Штейнгардт сумел смягчить ситуацию с выдворением, доказывая Лозовскому, что из-за войны в Европе Скотт не сможет за три дня уехать из России. В итоге Скотту дали восемь дней на выезд из России, разрешив покинуть страну вместе с семьей¹⁶.

На стороне фактов и союзнических обязательств: возвращение New York Times в Москву и освещение войны на Восточном фронте

15 апреля 1941 г. Штейнгардт недвусмысленно предупредил Лозовского о высокой вероятности военного нападения Германии на Советский Союз уже в мае. Американский посол ссылался на сведения, полученные как от американцев, проживавших на тот момент в Третьем Рейхе, так и от “многочисленных немцев-полуамериканцев, занимающих очень высокие и ответственные посты в Германии”. Реакция Лозовского была сдержанной и скептической, так как в советском руководстве считали, что Германия невыгодна война на востоке: “Я поблагодарил Штейнгардта за информацию и сказал, что не думаю, чтобы Германия напала на СССР, ибо это не есть линия наименьшего сопротивления. Во всяком случае СССР всегда готов и

¹⁴ АВП РФ. Ф. 06 (Секретариат В. М. Молотова) Оп. 3. АВТО. Д. 34. Папка 4. Л. 34, 51, 53.

¹⁵ АВП РФ. Ф. 06 (Секретариат В. М. Молотова) Оп. 3. АВТО. Д. 58. Папка 6. Л. 27.

¹⁶ Там же. Л. 119-120; АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. АВТО. Д. 36. Папка 4. Л. 38-39.

не даст себя захватить врасплох”¹⁷.

Американские журналисты, судя по беседам с Пальгуновым, также знали об этих слухах с весны 1941 г. Шапиро, узнавший о военных приготовлениях Германии от Штейнгардта, также предупреждал Пальгунова о вероятном вторжении 18 апреля 1941 г. Магидофф во время частной встречи с Пальгуновым 14 июня рассказал о готовящейся эвакуации членов семей сотрудников британского посольства в связи с вероятным вторжением Германии. 20 июня Магидофф в беседе с Пальгуновым пытался уговорить его разрешить отправку телеграммы о разговорах “о вторжении германских войск в пределы СССР” с ссылкой на опровержение от имени “официальных кругов” СССР. При этом Магидофф уверял Пальгунова, что понимает всю “нелепость” этих слухов. В итоге корреспондент отправил телеграмму с опровержением от своего имени¹⁸. В свою очередь, специальный корреспондент *NYT* в Анкаре Сайрус Сульцбергер сообщал в тот же день, что его дипломатические источники из двух разных стран, граничащих с Советским Союзом, владеют информацией о том, что немецкое вторжение на востоке начнется в течение ближайших 48 часов. Сульцбергер также не имел возможности официально подтвердить или опровергнуть этот слух¹⁹. На следующий день Сульцбергер сообщал о слухах, распространяемых в Праге и Бухаресте, что немцы якобы склоняют руководство Советского Союза сдать в аренду Украину на 99 лет²⁰. В целом же, из разных статей *NYT*, вышедших 21 июня, можно было понять, что нападение Германии на Советский Союз в ближайшее время – решенный вопрос. Мобилизация в Финляндии, прекращение транспортного сообщения между Стокгольмом и Хельсинки, остановка морского сообщения между Румынией и Турцией – всё это, по мнению газеты, свидетельствовало об актуальной угрозе немецко-советской войны²¹.

22 июня 1941 г. *NYT* вышла с заголовком о нападении Германии на Советский Союз. Газета опубликовала на первой странице в сжатой форме “Декларацию Гитлера в связи с нападением Германии на Советский Союз” и очень коротко в разделе “Международное положение” сообщило о дипломатических подробностях решения о нападении на СССР. Гораздо больше внимания газета уделила военным успехам британских войск, которые 21 июня 1941 г. заняли сирийский Дамаск. Это было прямым следствием того факта, что в Анкаре у издания было два специальных корреспондента, а в Москве – никого.

Вступление Советского Союза в войну против нацистской Германии радикально изменило характер взаимоотношений между американскими корреспондентами в Москве и Отделом печатью. После 22 июня 1941 г. обе

¹⁷ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. Д. 35. Папка 4. Л. 176

¹⁸ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. АВТО. Д. 58. Папка 6. Л. 127, 128, 131, 133.

¹⁹ C.L. Sulzberger, “Demobilizing of Red Army Said to Be German Demand,” *New York Times* (20 June 1941): 1.

²⁰ C.L. Sulzberger, “Ukraine ”Leasing” Seen,” *New York Times* (21 June 1941): 4.

²¹ *New York Times* (21 June 1941): 1.

стороны нуждались в друг друге. При этом они не изменили своих взглядов, понимая, что новое взаимодействие формируется на основе необходимости общей борьбы с врагом, но не на ценностном фундаменте общих идеалов. Начинался новый этап во взаимоотношениях иностранных журналистов и НКИД, который изменил условия цензуры для представителей прессы. Она не отменялась, но в связи с формированием союзнических отношений между Великобританией, США, с одной стороны, и СССР – с другой, приняла другой характер, чем это было в период с декабря 1939 по июнь 1941 г. И необходимость цензурных изменений была осознана с обеих сторон уже в первые дни.

В частности, в день начала войны в кабинете у Пальгунова собирались находившиеся в Москве американские, английские и французские журналисты, которые выразили свою поддержку Советскому Союзу, заявив, что “они чувствуют себя сейчас на положении представителей прессы стран, которые считают себя союзником Советского Союза”. Шапиро, на правах главы делегации иностранных корреспондентов, выступил с пространным заявлением, в котором просил пересмотреть цензурные условия работы для зарубежных журналистов, обосновывая свою просьбу необходимостью эффективно “противодействовать германской пропаганде”. Американский корреспондент от лица собравшихся просил вернуть работу цензоров в ночное время, не задерживать поступление важной информации в агентства, не ограничивать передвижение журналистов по Москве, выдав им необходимые удостоверения. Шапиро обращал внимание, что необходимо сделать выводы из негативного для иностранных журналистов опыта освещения советско-финской войны: “В прошлом происходило так, что мы получали сводки (во время войны с финнами) очень поздно. Советские сводки теряли по меньшей мере половину своей эффективности - общественное мнение на Западе рассматривало советские сводки не столько в качестве самостоятельного документа, сколько в качестве более или менее запоздавшего опровержения к финляндским реляциям”²².

Ответ Пальгунова был положительным. Он пообещал иностранным журналистам “всяческое содействие в наилучшем выполнении ими их профессионального долга”²³. Также НКИД с первых же дней пошел на встречу американским просьбам о приезде новых зарубежных корреспондентов и увеличении штатов, уже аккредитованных изданий. Это делало возможным возвращение в Москву специальных корреспондентов видных американских газет, освещавших международную политику – *NYT* и *“Chicago Daily News”*. 2 июля 1941 г. Штейнгардт на встрече с Лозовским обсуждал, с одной стороны, предоставление возможности покинуть СССР

²² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. АВТО. Д. 58. Папка 6. Л. 134.

²³ Пальгунов был жестким администратором, который в обычной ситуации неохотно шел навстречу иностранным журналистам. См.: Владимир Невежин, “Советский дипломат и иностранные корреспонденты в СССР в условиях войны: по страницам служебного дневника Н.Г. Пальгунова (1941–1942 гг.),” *История: факты и символы* 4 (37) (2023): 130-143.

арестованным женам Габихта и Магидоффа, разрешив им предварительно выйти из советского гражданства. С другой стороны, Штейнгардт просил без промедления оформить въездные визы для специальных корреспондентов вышеупомянутых газет – Джона Уитакера и Сайруса Сульцбергера, а также “смягчить строгость, с которой до сих пор обращались с сообщениями американских корреспондентов”²⁴.

Данные просьбы были выполнены, что было совершенно невозможно в довоенное время. В конце июля 1941 г. зарубежный корреспондент *NYT* Сульцбергер переехал из Анкары в Москву, а “*Chicago Daily News*” в августе 1941 г. направила в Москву Арчибалда Стила (Steele), известного к тому времени по репортажам и сводкам из Китая. Приезд в Москву Сайруса Сульцбергера, племянника владельца *NYT*, который освещал международное положение в Европе и Ближнем Востоке, опираясь на конфиденциальные дипломатические источники, означало, что в газете возлагают большие надежды на возобновление работы московского бюро. Хотя редакция газеты оценила войну Германии и Советского Союза как битву двух тоталитарных режимов, она решительно выступила за военную поддержку противников Гитлера, открыто выступив за удвоение помощи Великобритании и завуалировано – не называя прямо страну – за поддержку СССР²⁵. Показательно, что Сульцбергер придерживался похожего взгляда, когда писал статьи из Анкары, посвященные первым неделям продвижения Германии по территории СССР. Он допускал вероятность поражения Москвы в войне, но полагал, что Гитлер не сможет эффективно воспользоваться экономическими ресурсами захваченных территорий по причине дезорганизации и неослабеваемого сопротивления со стороны русских²⁶.

Тем не менее, по мере нарастания конфликта и первых успешных контратак вермахта Советской армией, отношение к Советскому Союзу на страницах *NYT* изменилось. Сдержанность постепенно сменилась поддержкой. Особенно показателен тот факт, что по соседству с аналитическими статьями, в которых разбирали тяжелое положение Советского Союза публиковались антинацистские карикатуры. В них изображалась тщетность усилий Гитлера по захвату СССР. На одной из них – “Там, где мировые завоеватели потерпели крах” был изображен Гитлер в комнате, на которого со стороны улицы через окно смотрели тепло одетые Вильгельм II с подписью на плаще “1918” и Наполеон на мундире, у которого было написано “Святая Елена”. Взгляд Гитлера был устремлен на

²⁴ The Ambassador in the Soviet Union (Steinhardt) to the Secretary of State Moscow, 4 July 1941, Foreign Relations of the United States Diplomatic Papers, 1941, General, The Soviet Union, Volume I, 891. <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1941v01/d845>

²⁵ Editorial, “Hitler Invades Russia,” *New York Times* (23 June 1941): 16.

²⁶ C.L. Sulzberger, “Nazis in a Race against Time to Win the War,” *New York Times* (29 June 1941): E3; C.L. Sulzberger, “Nazi Plans to Use Russia Beset by Complexities,” *New York Times* (6 July 1941): E3.

расположение России на глобусе²⁷.

Начало освещения Сульцбергером военных действий на Восточном фронте уже непосредственно из Москвы совпало с успешными, хотя и локальными попытками Советской армии сдержать наступление нацистов на Москву²⁸. Поэтому первые две недели, до середины августа 1941 г., Сульцбергер в своих статьях показал упорное сопротивление со стороны Советской армии и решительность советского руководства в борьбе с нацистами, прежде чем пришлось написать о захвате вермахтом Смоленска. В дальнейшем корреспондент время от времени сообщал об отходе советских войск или потере некоторых населенных пунктов, но о крупных поражениях сентября 1941 г. Сульцбергер не писал. Так, новости о захвате германскими войсками советского Киева были сообщены берлинским корреспондентом газеты. Московский корреспондент *NYT* в это время находился в прифронтовом городе Вязьма вместе с другими англо-американскими репортерами, который был взят немецкими войсками несколько позже - 7 октября²⁹.

В первой половине октября 1941 г. Сульцбергер стал свидетелем успешного наступления вермахта в сторону Москвы. В своих статьях он отмечал “серьезность ситуации”, т.е. продолжение поступательного движения нацистских войск к Москве, даже несмотря на замедление темпов. Статья Сульцбергера, опубликованная в газете 14 октября была последней перед эвакуацией иностранцев из Москвы вглубь России, на восток. Об отъезде дипломатического персонала и иностранных корреспондентов в *NYT* узнали от Государственного департамента, который, как и советские чиновники, не сообщал имя города, в который переезжали иностранцы и ведомства³⁰. Только после прибытия американцев в город на Волге издание сообщило, что дипломатические сотрудники и корреспонденты обосновались в Куйбышеве³¹. Туда же переехало цензурное ведомство НКИД, чтобы отправлять в американские издания одобренные материалы, написанные журналистами.

Пребывание журналистов в Куйбышеве продлилось чуть менее двух месяцев – до 12 декабря 1941 г. Переезд в провинциальный город не особенно сказалось на продуктивности Сульцбергера, хотя часть статей выходило с пометкой “Задержано” (*Delayed*). Нахождение в Куйбышеве было для американцев испытанием. Ни дипломаты, ни журналисты не были особенно довольны тем, что им приходилось вместе, в одном отеле. Корреспонденты чувствовали себя оторванными от столицы: они были вдалеке от советского

²⁷ A British Artist Points a Historical Lesson for Der Fuehrer, *New York Times* (6 July 1941): E3.

²⁸ C.L. Sulzberger, “New Soviet Blows,” *New York Times* (30 July 1941): 1.

²⁹ Henry Cassidy, *Moscow Datelines, 1941-1943*. (Houghton Mifflin, 1943), 109-113.

³⁰ “Secret Capital Set Up by Soviet (Steinhardt and Other Envoys Move to Undisclosed Center),” *New York Times*, (18 October 1941): 1.

³¹ О Куйбышеве как “запасной” столице см.: Сергей Буранок, Ярослав Левин, Анна Соколова, “Запасная столица СССР: оценки американской прессы и спецслужб,” *Самарский научный вестник* 6, no. 2(19) (2017): 168-173.

руководства, которое осталось в Москве; они были изолированы от информационных инсайдов и неофициальных слухов, которые помогли бы лучше разобраться в происходящем; известие об атаке японских войск на Пёрл-Харбор, заставило их особенно остро почувствовать, что они находятся вдалеке от главных событий ВМВ³². Наконец, было немало бытовых неудобств, в частности, сильный мороз и отключение света.

Сульцбергер за время пребывания в Куйбышеве написал свыше тридцати статей о положении на Восточном фронте, героизме и упорном сопротивлении Советской Армии, укреплении союзнических отношений между СССР, Великобританией и США. Сульцбергер особенно отмечал важность военной помощи со стороны Лондона, который оперативно сумел поставить танки для советских войск и оказал дипломатическую поддержку Советскому Союзу в виде формального объявления войны Финляндии, Венгрии и Румынии 5 декабря 1941 года³³. Корреспондент *NYT* не мог не отметить в своих статьях еще одного важного союзника, значение “действий” которого будет сильно преуменьшено в советской историографии Великой Отечественной войны – жесточайшие морозы в ноябре-декабре, которые помешали вермахту в решающие недели продвижения к столице СССР³⁴.

В Куйбышеве к Сульцбергеру в ноябре 1941 г. присоединился второй корреспондент *NYT* британец Ральф Паркер, прибывший на поезде из Владивостока. Он представлял также лондонскую газету *“The Times”*. После отъезда Сульцбергера в декабре 1941 г. Паркер на долгое время оставался единственным корреспондентом *NYT*. В мае-июле 1943 г. в Москву во второй раз приезжал Сульцбергер. Во время своего недолгого пребывания он написал несколько статей о возросшей мощи Советской армии, которая, по его мнению, уже была способна довести дело до безоговорочной победы над Германией в обозримом будущем³⁵. С октября 1943 по февраль 1945 г., в период победоносного продвижения Советской Армии вместе с Паркером *NYT* в СССР представлял опытный политический обозреватель Уильям Лоуренс. Наконец, в самом конце Великой Отечественной войны, уже в третий раз, в Москву приехал Сульцбергер, в том числе для того, чтобы решить вопрос о назначении в Москву первого послевоенного корреспондента. Находясь в столице в мае 1945 г., он стал свидетелем окончания войны с Германией и первого празднования дня Победы в Москве: *“At the end of the greatest day of celebration in the history of modern Russia, the skies above Moscow were split apart tonight as 1,000 Red Army guns fired thirty rounds each to signalize the end*

³² Cassidy, *Moscow Datelines*, 158.

³³ C.L. Sulzberger, “First British Tanks Praised,” *New York Times* (26 November 1941): 6; “Soviet Sees Gains In New Diplomacy,” *New York Times* (9 December 1941): 24.

³⁴ Сульцбергер отмечал, что холодная погода играет положительную роль в обороне Москвы, срываая план Гитлера захватить столицу в ближайшие недели. См. C.L. Sulzberger, “Winter and Russians Rob Hitler of Victory,” *New York Times* (16 November 1941): 4; “Nazis Find Winter Is Formidable Foe” *New York Times* (16 November 1941): 15.

³⁵ C.L. Sulzberger, “New Red Army, at Peak of Power, Evolved to Master Nazi Menace,” *New York Times* (4 June 1943): 4.

of the European war in "complete and total victory".³⁶

Восстановив зарубежное бюро в Москве, корреспонденты *NYT* в годы ВМВ оказались в крайне непростой, двойкой ситуации. С одной стороны, как уже отмечалось, советские власти пошли навстречу просьбам Штейнгардта. Они перестроили работу военную цензуру ради регулярных сообщений иностранных корреспондентов из союзных стран, организовывали (хотя и нечастые) поездки в прифронтовые районы и визиты в советские учреждения, а представители Отдела печати стали проводить пресс-конференции и давать официальные комментарии. Как следствие, у корреспондентов появилась возможность публиковать свои статьи в различных жанрах, чем наиболее полно сумел воспользоваться Ральф Паркер. Помимо обязательных военных сводок с фронтов и театров военных действий, корреспонденты *NYT* опубликовали несколько больших специальных репортажей, посвященных тыловой жизни Москвы и Куйбышева, борьбе партизан, самоотверженности и героизму советских людей; развернутую аналитику о положении дел на фронте; репортажи, передающие мобилизационную атмосферу городов и учреждений воюющей страны³⁷.

С другой стороны, разногласия и конфликты по поводу видения работы военного журналиста в Советском Союзе между американскими корреспондентами и Отделом печати сохранились. Советская цензура по-прежнему работала таким образом, чтобы статьи иностранных журналистов показывали военные действия в выгодном для Советского Союза свете. Например, статьи *NYT* об отходе войск и утрате территорий при наступлении вермахта летом 1942 г. работали в пользу Москвы, так как подобные известия помещались в контексте обсуждения о наращивании материальной и военной помощи СССР. Постоянное недовольство вызывало и ограниченное количество поездок в освобожденные районы и прифронтовые зоны боевых действий. В ноябре 1943 года Паркер, выражая недовольство тем, что Отдел печати не включил его в поездку зарубежных корреспондентов в расположение польской армии, направил личную просьбу главе НКИД В.М. Молотову - разрешить ему поездку по Донецкому бассейну для изучения нанесенного немцами ущерба. Паркер, понимая, как надо обосновывать необходимость командировки, обращал внимание на пользу Советского Союза от такой поездки: "по моему мнению было бы важно обратить внимание британского и американского народа на то, какой тяжелый удар немцы нанесли этому району. Несколько месяцев тому назад Заведующий Отделом Печати сообщил мне, что Вы согласились с тем, что,

³⁶ C.L. Sulzberger, "Moscow Goes Wild Over Joyful News (Thousands Mill in Red Square as Holiday Is Declared; U.S. Shares in Tribute)," *New York Times* (10 May 1945): 6.

³⁷ Вот лишь некоторые примеры специальных репортажей и аналитических статей московских корреспондентов *NYT*: Ralph Parker, "The Man Who Stopped Hitler: Portrait of the Soviet Soldier," (8 March 1942): 151, 175; C.L. Sulzberger, "Red Army Officers Symbolize New Era," (6 June 1943): 13; W.H. Lawrence, "Russia's New Women," (5 November 1944): 145, 146, 163, 164; C.L. Sulzberger "Industry Booming In Eastern Russia," (26 March 1945): 7.

когда представится возможность, мне будет предоставлено исключительное право совершить поездку в какое-нибудь интересное место. Смею ли я попросить о том, чтобы мне и моему переводчику была разрешена поездка по Сталинской области?”. Примечательно, что Паркер направил свое прошение в Отдел печати в тот же день, когда в *NYT* вышла его статья о материальном уроне и человеческих потерях на Донбассе в результате нацистской оккупации и военных сражений³⁸.

Англо-американские корреспонденты издания прекрасно понимали, что Отдел печати использует их в своих интересах, но поскольку Восточный фронт был одним из ключевых направлений во ВМВ, они готовы были мириться с неудобствами и ограничениями ради шанса получить эксклюзивную информацию или заветное интервью с одним из лидеров Политбюро. Главным призом для журналиста было, разумеется, личное интервью со Сталиным. В октябре и ноябре 1942 г. повезло корреспонденту “*Associated Press*” Генри Кэсси迪, которому Stalin дважды дал письменные ответы на вопросы о втором фронте и военной компании союзников в северной Африке³⁹. В мае 1943 г. очень короткий письменный ответ от Сталина получил Паркер; Stalin счел нужным уверить корреспондента *NYT*, что “безусловно желает” видеть сильную и независимую Польшу после окончания войны⁴⁰. Вскоре, после профессиональной удачи Паркера, Лео Сульцбергер приехал в СССР и во время своего летнего пребывания в Москве безуспешно просил уже о личном интервью Сталина. Как честолюбивый газетчик, он надеялся превзойти успех Паркера и Кэсси迪. Его июньские статьи о войне на Восточном фронте и Красной армии были очень хвалебными и комплиментарными, но это не помогло заполучить желанное интервью с главой СССР⁴¹.

Упомянутое выше Паркером “исключительное право” было главным аргументом сотрудников *NYT* при обосновании своих запросов на получение эксклюзивных поездок или интервью. Вернувшись в СССР, газета подавала себя как ведущее американское издание, освещавшее международную политику. На неофициальной встрече издателя газеты Артура Сульцбергера и главы НКИД В. М. Молотова 5 июля 1943 г. американец позиционировал себя как владельца издания “формирующего общественное мнение в США”. Визит в СССР, по утверждению Сульцбергера, был согласован с президентом США Ф. Д. Рузвельтом, который принял решение направить его

³⁸ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. Д. 119. Папка 13. Том 2. Л. 76; Ralph Parker, “Donbas Industries Ruined, Soviet Says,” *New York Times* (14 November 1943): 3.

³⁹ Stalin Says Aid From Allies So Far Is 'Little Effective' *New York Times* (5 October 1942): 1.

⁴⁰ Ralph Parker, “Stalin's Letter to Times Man Was on Plain White Notepaper,” *New Yorker Times* (7 May 1943): 4.

⁴¹ Сульцбергер 9 июня 1943 г. направил письмо на имя Сталина с просьбой об очном интервью. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. Д. 119. Папка 13. Том 2. Л. 3. См. статью Сульцбергера о значительном улучшении снабжения фронта и армии по сравнению с Первой мировой войной: С.Л. Sulzberger, “Russian Supplies Moving Smoothly,” *New York Times* (29 June 1943): 23.

в качестве представителя “Красного Креста” исключительно из внутренних соображений, “поскольку в США существует значительное число издателей, желающих посетить Советский Союз”⁴². Такая самопрезентация позволила Сульцбергеру провести откровенный обмен мнениями с одним из главных советских руководителей о послевоенном устройстве и взаимных ожиданиях союзников от заключительного этапа войны при том, что о визите издателя Молотов не был заранее предупрежден. Однако, статус печатного издания, близкого к президенту США в восприятии советских высокопоставленных функционеров и дипломатов означал, что газета “очень часто выражает официальную точку зрения Госдепартамента по ряду политических вопросов”. Неудивительно, что в Советском Союзе с неудовольствием относились к критическим редакционным статьям, публикациям на основе сведений неназванных источников и даже частным, непубличным разговорам издателя *NYT*. Согласно утверждению посла СССР в США А. А. Громыко, А. Сульцбергер после возвращения из Москвы в частных беседах утверждал, что военная помощь Советскому Союзу “должна быть прекращена в день, когда русские прекратят убивать немцев”⁴³. В практическом плане недовольство А. Сульцбергером в 1943-1944 гг. проявилось в том, что советское посольство всячески затягивало выдачу въездной визы его племяннику, который хотел в третий раз попасть в Москву. Согласно архивным документам, Лео Сульцбергер подал заявление на советскую визу в апреле 1944 года, но смог приехать в Москву лишь в марте 1945 года после неоднократных обращений редакции с просьбами ускорить рассмотрение заявления корреспондента⁴⁴.

Свидетели триумфа СССР: корреспонденты *New York Times* в 1944-1945 гг. и окончание Великой Отечественной войны⁴⁵

В 1944 году, на фоне успешного наступления советской армии, американские корреспонденты всё чаще выражали недовольство ограничениями, с которыми сталкивались в своей профессиональной деятельности. Прежде всего это касалось крайне ограниченного доступа к поездкам в тыл и на фронт, отмены заранее согласованных визитов, а также отсутствия официальных комментариев со стороны Сталина и Молотова по вопросам текущего и будущего военного, дипломатического

⁴² Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941-1945: Документы и материалы в 2 т. Том 1. 1941-1943. М.: Политиздат, 1984. С. 344.

⁴³ АВП РФ. Ф. 059. Оп. 10. Папка 3. Д. 27. Л. 100-102. <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/293821>

⁴⁴ См. фонд 192 АВП РФ “Посольство в Вашингтоне”. Ф. 192. Оп. 11. Д. 34. Папка 78. Л. 68.

⁴⁵ Термин “Great Patriotic War” использовался в газете крайне редко. Мне удалось найти только три статьи. Все они имели прямое отношение к одноименной книге И. В. Сталина (Сталин И. “О Великой Отечественной войне” (1942) и его выступлению по радио 9 мая 1945 года. См.: “Stalin's Book in Third Edition,” *New York Times* (24 June 1943): 19; “Stalin Book Reprinted,” *New York Times* (10 December 1944): 34; “Premier Stalin's Speech,” *New York Times* (10 May 1945): 6.

и экономического сотрудничества между СССР и западными союзниками. В этом контексте письма московских корреспондентов *NYT* Паркера и Лоуренса в Отдел печати, наряду с недовольством просоветского журналиста *New York Herald Tribune* Мориса Хиндуса условиями своей работы, служат характерными примерами таких настроений.

Так, в письме Молотову от 6 июня 1944 года Паркер в сдержанной, но настойчивой манере поднимает проблему несогласованности действий советских учреждений в работе с иностранной прессой. Он описывает неоднократные попытки договориться с Отделом печати о посещении одного из московских заводов в ночь, когда стала известна точная дата высадки союзников во Франции, то есть открытия второго фронта в Европе — события исключительной важности для американской прессы. Несмотря на устные обещания сотрудников, визит так и не был организован, а Паркер до последнего момента не получал чёткой информации о деталях поездки. В письме подчёркивалось, что подобная дезорганизация и отсутствие координации мешают иностранным корреспондентам выполнять свои профессиональные обязанности в критически важные исторические моменты⁴⁶. В результате вместо полноценного репортажа о реакции населения на открытие второго фронта, Паркер был вынужден ограничиться небольшой заметкой, в которой лапидарно передал атмосферу ликования, царившую в Москве, в связи с этим долгожданным событием: *"When news of the Allied landing in France was flashed by the Moscow radio at 1:45 o'clock this afternoon scenes of tremendous excitement occurred in the streets near the public loudspeakers"*⁴⁷.

Лоуренс, в свою очередь, столкнулся с нежеланием высокопоставленных советских чиновников комментировать вопросы, представлявшие значительный интерес для западной аудитории — такие, как соблюдение союзнических обязательств (в частности, отказ от сепаратных переговоров с Германией) и формулирование принципов послевоенной внешней политики. Поводом для его обращения к И. В. Сталину 20 января 1944 г. послужила публикация в *"Правде"* от 17 января под заголовком *"Слухи из Каира"*. В статье, со ссылкой на греческие и югославские источники, утверждалось, что в Каире состоялась встреча представителей Великобритании с министром иностранных дел нацистской Германии Иоахимом фон Риббентропом⁴⁸. Несмотря на последовавшее 19 января официальное опровержение британского МИДа, также размещённое на страницах *"Правды"*, данная публикация вызвала обеспокоенность на Западе, поставив под сомнение прочность антигитлеровской коалиции. В этой связи Лоуренс обратился к советскому руководству с просьбой публично подтвердить приверженность совместным военным планам⁴⁹.

⁴⁶ АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 28. Д. 40. Папка 159. Л. 41-42.

⁴⁷ Ralph Parker, "Moscow Excited by News," *New York Times* (7 June 1944): 9.

⁴⁸ "Слухи из Каира," *Правда*. № 15 (1944): 4; "Заявление английского Министерства иностранных дел," *Правда*. № 16 (1944): 4.

⁴⁹ АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 28. Д. 40. Папка 159. Л. 5-6.

В одном из последующих обращений, ссылаясь на обнародованную декларацию государственного секретаря США Корделла Халла, изложившего 17 принципов внешней политики, Лоуренс в марте 1944 г. обратился к В. М. Молотову с просьбой представить официальную позицию Советского Союза в аналогичной тезисной форме⁵⁰. Данное обращение Лоуренса преследовало цель подготовить материал для публикации, способной способствовать укреплению взаимного доверия между союзниками, а также смягчению идеологических и мировоззренческих разногласий накануне завершения BMB⁵¹. Однако ни на это, ни на предыдущее обращение Лоуренс ответа так и не получил.

Ещё более выраженное недовольство действующей системой ограничений проявилось в письмах и личных беседах Мориса Хиндуса, корреспондента газеты *New York Herald Tribune*. Показательно, что, выражая недовольство собственным положением, он одновременно подчёркивал, что с аналогичными трудностями сталкиваются и его коллеги. В письме от 19 марта 1944 г., адресованном наркому иностранных дел В. М. Молотову, Хиндус сообщал о своей фактической изоляции и невозможности выезжать за пределы Москвы. Он отмечал, что, в отличие от предыдущего года, когда имел возможность активно путешествовать, встречаться с людьми и передавать героический настрой советского народа, в 1944 г. он был вынужден проводить большую часть времени в московском отеле “Метрополь”. Журналист писал: “В продолжение двадцати лет, в течение которых я писал о Советском Союзе, я никогда не чувствовал себя столь изолированно от народа и страны, как это я чувствую сейчас”⁵².

Эти настроения ещё более чётко проявились в его беседе от 21 сентября 1944 г., где Хиндус в эмоциональной форме описывал общее недовольство иностранных корреспондентов своим положением в СССР: “Инкоры в Москве находятся в безвыходном положении. Почти все они бывали на многих фронтах, некоторые были ранены, имеют награды. В Москву они приехали, чтобы описывать войну — и какую войну! — но не видят этой войны, так как почти всё время сидят в “Метрополе”. Он подчёркивал, что в то время, как советские журналисты, по его словам, “входили во французские города вместе с наступающими войсками союзников”, их иностранные коллеги практически были лишены возможности выезжать как на фронт, так и в тыловые районы. В той же беседе Хиндус открыто критиковал работу Отдела печати, обвиняя его в некомпетентности: “Особенно тяжело положение инкоров, не знающих русского языка. Они не получают никакой информации, кроме официальных источников. Я и некоторые другие — в более выгодном положении. Я знаю язык, имею связи, знакомства и могу достать материал. И потом, я знаю СССР по многолетней работе здесь. Я не напишу враждебных книг, как бы ни относился к нам Отдел печати НКИД. А инкоры, работающие здесь не так долго, не знающие русского языка, будут

⁵⁰ “Secretary Hull on Foreign Policy,” *Current History* 34, no. 6 (1944): 502–510.

⁵¹ АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 28. Д. 40. Папка 159. Л. 16.

⁵² Там же. Л. 15.

писать враждебно не потому, что они враждебно относятся к советской власти, к СССР. Они не знают советской власти, не знают СССР и будут писать книги, очень часто основываясь на своём личном опыте, вкладывая в эти книги озлобление, которое создаёт политика Отдела печати НКИД”⁵³.

Хиндус подчёркивал, что ограничения на передвижение мешают ему работать над новой книгой и журналистскими материалами: “С сожалением должен я сказать, что нахожу очень трудным собирать материал для новой книги, а также и для таких статей, которые я хотел бы написать”. В связи с этим он обращался к Молотову с просьбой содействовать организации поездок по различным регионам страны — на Кубань, в Свердловск, Магнитогорск, Челябинск, Кузнецк и другие ключевые промышленные центры. Его стремление охватить как сельскохозяйственные, так и индустриальные районы подчёркивало намерение представить всестороннюю картину жизни Советского Союза. Сравнивая текущее положение с прошлогодним опытом, он отмечал: “В прошлом году я побывал во многих местах страны. Повсюду, куда я ездил, я встречался с людьми. Я мог чувствовать героическое настроение и боевой дух советского народа”. При этом он подчёркивал, что обращается не просто как зарубежный репортёр, а как давний знаток страны, настроенный благожелательно: “Если бы я был всего лишь газетчик, я не счел бы себя оправданным в обращении с такой просьбой сейчас, когда вы все столь заняты делом борьбы и выигрыша войны. Но дело в том, что я не газетчик. “Нью-Йорк Геральд Трибьюн” пригласила меня для того, чтобы я писал для нее пояснительные статьи, так как она считает, что мои знания Советского Союза позволят мне представить вашу страну в ее созидающем труде весьма влиятельной аудитории. Если бы я поехал на Кубань сейчас, а на Урал и в Сибирь ранним летом, то я бы получил богатейший материал для книги, которую я хочу написать и которая по духу и подходу к ней не будет во многом отличаться от “Матери России” [“Mother Russia”]”⁵⁴.

Тем не менее, Отдел печати продолжал организовывать поездки для иностранных корреспондентов как в тыловые регионы, так и на освобождённые от Вермахта территории в 1944 г. Однако даже в тех случаях, когда американским журналистам удавалось побывать в зонах боевых действий или на освобождённых землях, их возможности освещать события оставались жёстко ограниченными. Так, в репортажах, подготовленных по итогам поездок в Катынь, на север Украины (освобождённый в ходе Корсунь-Шевченковской операции), а также в детский дом для польских детей в подмосковном Загорске, корреспонденты NYT передавали исключительно официальную информацию, не имея доступа к альтернативным источникам

⁵³ Там же. Л. 49.

⁵⁴ Там же. Л. 14-15, 49. В итоге Хиндус посетил в 1944 г. Кубань, а в 1945 г. в Нью-Йорке издал книгу *”The Cossacks: The Story of a Warrior People“* (New York, Doubleday, Doran & Company, 1945).

и не располагая возможностью представить различные точки зрения⁵⁵. Об успехах Красной армии они писали в подчеркнуто комплиментарном ключе, акцентируя внимание на героизме советских солдат, организованности военного управления и тёплом отношении к англо-американским союзникам⁵⁶. При этом любые упоминания о трудностях наступления Красной Армии, включая оценку человеческих потерь, были невозможны в силу жёсткой военной цензуры.

После отъезда Паркера из Москвы в июне 1944 года Лоуренс оставался единственным корреспондентом *NYT* в советской столице вплоть до февраля 1945 года. В марте того же года, как уже отмечалось ранее, в Москву в третий раз прибыл Сайрус Сульцбергер. Помимо освещения военных сводок и успехов в восстановлении советской экономики, Сульцбергер сосредоточил внимание на формирующихся чертах и принципах внешнеполитического курса СССР в последние месяцы войны с Германией. Анализируя московские статьи Сульцбергера, необходимо отметить, что его репортажи представляли собой не просто хронику событий, но и попытку понять внутреннюю логику действий советского руководства. Как журналист-международник, он стремился разобраться в характере внешней политики Советского Союза в условиях его значительного вклада в победу над Германией. Сульцбергер подчеркивал, что советская дипломатия исходила прежде всего из собственных представлений о национальной безопасности. Опыт двух разрушительных мировых войн на своей территории сформировал у руководства СССР устойчивую установку: миропорядок должен быть устроен так, чтобы исключить возможность нового вторжения. Отсюда, по мнению журналиста, внимание к созданию “санитарного кордона” из просоветских государств в Восточной и Центральной Европе. Политика СССР в отношении Польши, Чехословакии, Румынии, как отмечал Сульцбергер, не была импульсивной, а подчинялась выверенной стратегической линии формирования буфера безопасности⁵⁷.

Он также обращал внимание на стремление СССР встроиться в архитектуру послевоенного мирового порядка. Поддержка идеи международной организации по обеспечению мира — будущей ООН — свидетельствовала о готовности Москвы участвовать в многосторонних структурах. Однако, как указывал журналист, эта поддержка сопровождалась рядом оговорок: от требования предоставить отдельные голоса для Украинской и Белорусской ССР до акцента на равноправие великих держав. Тем самым, писал Сульцбергер, Москва стремилась легитимировать своё

⁵⁵ Ralph Parker, "Young Poles Find Havens in Russia," *New York Times* (12 April 1944): 4; Idem, "Escape at Korsun Made Only by Air," *New York Times* (9 March 1944): 3; William H. Lawrence, "Soviet Blames Foe in Killing of Poles," *New York Times* (27 January 1944): 3.

⁵⁶ Ralph Parker, "Soviet Hails Gains Under British Pact," *New York Times* (27 May 1944): 6; William H. Lawrence, "Stalin Lauds U.S. for Aid to Soviet," *New York Times* (28 June 1944): 8.

⁵⁷ L.C. Sulzberger, "Soviet Union Has Mapped Extensive Foreign Policy," *New York Times* (8 April 1945): 56.

влияние в Европе и одновременно укрепить позиции в новых международных институтах⁵⁸.

В статье “*Allies’ Use of German Labor Set At Yalta Parley, Soviet Paper Says*” он проанализировал подход СССР к Германии как побеждённой державе. Согласно его оценке, позиция, озвученная на Ялтинской конференции, отражала не только стремление к возмещению ущерба, нанесённого войной, но и желание использовать послевоенное урегулирование для восстановления экономики и усиления политического влияния. Советский Союз рассматривал Германию как главного виновника разрушений и человеческих потерь. В этом контексте использование немецкой рабочей силы для восстановления пострадавших территорий воспринималось как справедливая компенсация. Сульцбергер подчёркивал, что такой подход не носил исключительно карательного характера, а представлял собой pragmatичное решение — восполнение потерь за счёт побеждённой стороны. Оценка ущерба, озвученная советской стороной — 250 миллиардов золотых рублей, — служила аргументом в переговорах с союзниками и инструментом формирования общественного мнения внутри страны. Упоминание разрушенных городов — Сталинграда, Киева, Минска — подчёркивало представление о Германии как главном виновнике не только военных, но и гуманитарных катастроф⁵⁹.

Помимо германского вопроса, Сульцбергер уделял внимание и более широким внешнеполитическим установкам СССР. В советской прессе, особенно в “*Правде*”, активно критиковались инициативы создания западных военно-политических блоков, таких как “Атлантическое сообщество”, предложенное влиятельным американским журналистом Уолтером Липпманом. В противовес этому СССР продвигал идею коллективной безопасности, закреплённую в международных соглашениях. По мнению журналиста, это отражало стремление Москвы избежать изоляции и сохранить влияние в формировании нового миропорядка⁶⁰.

Наконец, Сульцбергер в своих статьях описывал внутреннюю атмосферу в СССР в преддверии и в момент победы. Особое внимание он уделял эмоциональному состоянию советского общества — радости, смешанной с горечью утрат. Его репортаж о праздновании Победы 9 мая в Москве стал последним в роли московского корреспондента. В нём он описывал массовые гуляния, игнорирование людьми комендантского часа, залпы артиллерии, здания, украшенные флагами стран-победительниц, а также сочетание официальной советской атрибутики — портретов Ленина, Сталина, Калинина и военачальников — с массовым религиозным переживанием: церкви были открыты для проведения молебнов “в память о

⁵⁸ Ibid.

⁵⁹ L.C. Sulzberger, ”Allies’ Use of German Labor Set at Yalta Parley, Soviet Paper Says,” *New York Times* (21 April 1945): 1.

⁶⁰ Ibid: 6.

бесчисленных погибших”⁶¹.

Одним из главных сюжетов репортажа Сульцбергера стали проявления признательности советских граждан союзникам. Он подробно описывал многолюдные собрания у американского посольства, где толпа приветствовала дипломатов, скандируя лозунги в честь Трумэна и Рузельята. Особенное впечатление произвело выступление Джорджа Кеннана с балкона посольства, встреченное овациями. Советский и американский флаги были вывешены рядом, символизируя союзничество, а громкоговорители транслировали на площадях гимны США и Великобритании. Таким образом, Сульцбергер в своей последней московской статье зафиксировал редкий момент единения СССР и Запада в момент безоговорочной победы над Германией⁶².

Помимо освещения текущих событий из Москвы, Сульцбергер принимал участие в неофициальных переговорах, касавшихся будущего присутствия *NYT* в Советском Союзе. Руководство газеты рассчитывало, что окончание войны и перспективы послевоенного сближения между СССР и США создадут условия для расширения штата московского бюро. Однако в реальности не без труда удалось добиться разрешения на приезд лишь одного нового корреспондента — известного театрального критика Брукса Аткинсона, который в годы войны освещал события в Китае. Согласование его кандидатуры в качестве постоянного представителя газеты в Москве летом 1945 года стало возможным благодаря положительным отзывам советской стороны на его публикации о взаимоотношениях между Народно-освободительной армией Китая и Гоминьданом. По оценке сотрудника советского посольства в Вашингтоне Ф. Т. Орехова, Аткинсон в своих статьях не допускал “каких-либо выпадов в отношении прогрессивных элементов Китая”, в связи с чем он расценивался как “лучшая кандидатура, на которую можно было рассчитывать от “Нью-Йорк Таймс”⁶³. Аткинсон приехал в Москву летом 1945 г. и стал свидетелем стремительной трансформации советско-американских отношений — от союзничества в рамках антигитлеровской коалиции в войне против Японии до появления первых серьезных взаимных разногласий в начале 1946 г.

Заключение

Как показано в статье, функционирование московского бюро *NYT* напрямую зависело от контекста советско-американских взаимодействий и зависело от множества политических, цензурных и идеологических факторов. С началом советско-германской войны на Восточном фронте и вступлением СССР в Антигитлеровскую коалицию иностранные корреспонденты вновь получили возможность работать в Москве, однако

⁶¹ L.C. Sulzberger, “Moscow Goes Wild Over Joyful News,” *New York Times* (10 May 1945): 6.

⁶² Ibid.

⁶³ АВП РФ. Ф. 192. Оп. 12. Д. 29. Папка 87. Л. 91-92 (Справка о корреспонденте Brooks Atkinson).

их деятельность оставалась жёстко регламентированной, подчинённой требованиям советской цензуры и стратегическим интересам Отдела печати НКИД.

Корреспонденты NYT стремились выполнять свою профессиональную миссию в условиях ограниченного доступа к информации и малого количества командировок по стране. Несмотря на трудности, они передавали в редакцию не только информационные статьи, но и репортажи о воюющем Советском Союзе, которые давали американской аудитории представление о логике советской внешней и внутренней политики в военное время. Особую ценность представляет собой деятельность Сульцбергера, чьи публикации последних месяцев войны демонстрируют попытку американской журналистики осмысливать позицию СССР в перестраивающемся международном порядке. Его репортажи, сочетающие фактографичность с тонким анализом, позволяют проследить, как в американской прессе формировался образ Советского Союза — союзника по войне, но потенциального идеологического оппонента в будущем.

Наконец, следует отметить, что модель управления деятельностью иностранных корреспондентов, сформировавшаяся в Отделе печати НКИД в 1941–1944 гг., сохранялась практически без изменений вплоть до 1987 года. Иностранный журналист был обязан находиться в Москве, согласовывать любые поездки по стране и встречи с советскими гражданами с представителями из отдела, а также учитывать возможные последствия своих публикаций, даже если они получали одобрение у советских цензоров. В то же время советские власти сохраняли за собой право ужесточать или, напротив, смягчать эти ограничения в зависимости от текущего состояния советско-американских дипломатических отношений, а также индивидуального отношения к тому или иному американскому журналисту.